

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

И. А. Бадалян

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В РАБОТАХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГОВ И ЭТНОГРАФОВ ЗАПАДА

Теоретический аспект этнической проблематики выдвигается сейчас в буржуазной социологической и этнографической науке на одно из первых мест. Появляются работы, в которых предпринимаются попытки определить характер исследований этнических проблем, ведущихся в настоящее время, и наметить сложившиеся в этой области тенденции. Американский социолог Р. А. Шермерхорн делит исследовательские работы по этнической тематике, написанные на английском языке, на пять категорий: 1 — исследования чисто описательного характера; 2 — работы, содержащие, наряду с описанием новых данных, их теоретическую интерпретацию; 3 — классификационные разработки; 4 — исследования, рассматривающие разнообразный фактический материал с точки зрения какой-либо специальной теории; 5 — работы сравнительно-теоретического плана¹.

Классификацию Р. А. Шермерхорна дополняет предложенная Г. Роан-Чермаком дифференциация ведущих теоретических направлений, сформировавшихся в науке об этносе к настоящему времени². Г. Роан-Чермак выделяет в современной науке семь различных «школ», которые, по его мнению, заметно различаются в подходе к разработке теоретических проблем этноса: «культурно-морфологическую» (крупнейшие представители — Р. Наролл и Ф. Барт); «немецкую этносоциологическую» (В. Э. Мюльман и Э. Фрэнсис); «русскую историко-экономическую» (этнографы СССР); «этно-экологическую» (сотрудники журнала «Ethnologia Europaea»); «этноисторическую» (В. Фентон, В. Хиршберг, Х. Дешамп); «французскую этнополитическую» (сотрудники ряда периодических изданий и институтов Франции, Бельгии, Швейцарии, Австрии) и «американскую бихевиористскую и аккультурационистскую» (Ф. Знанецки, М. Дж. Херскович, Р. Э. Парк, О. Д. Дункан, О. Хэндлин, Б. Берри)³. Необходимо, однако, заметить, что, судя по характеристикам, которые дает перечисленным направлениям Г. Роан-Чермак, все они, за исключением направления, представленного этнографами СССР, имеют немало общего в своих отправных методологических позициях. Многие из упомянутых выше ученых видят в разнообразных проявлениях этнического сознания определяющий признак «основной этнической группы», трактуемый ими в качестве «основной культуронесущей единицы» и образующей стержень смыслового содержания таких понятий, как «ethnie», «ethnism», «ethnos», «ethnikum», «ethnicity», «ethnic identity». Помимо этого, зарубежные исследователи часто толкуют основную этническую группу как не-

¹ R. A. Schermerhorn, Comparative ethnic relations. A framework for theory and research, N. Y., 1970, p. 10.

² G. de Rohan-Csermak, The theory of ethnos today, A critical survey, «IX International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences», Chicago, 1973.

³ G. de Rohan-Csermak, Указ. раб., стр. 4—9.

большой по своим размерам (не свыше 10—20 тыс. чел.) и культурно-однородный коллектив, между членами которого поддерживаются «прямые коммуникации». Понятно, что подобный взгляд неизбежно приводит к противопоставлению этой социальной группы более широким объединениям типа крупных современных народов⁴. Ясно вместе с тем, что в такой трактовке понятие основная этническая группа может служить терминологическим аналогом принятого советскими учеными понятия «этнос» только в применении к ранним историческим формам этого общественного явления.

Из выделенных Г. Роан-Чермаком теоретических школ ниже рассматриваются две, обнаруживающие близкое родство методологических основ: культурно-морфологическая и американская бихевиористская и аккультурационистская. Общей чертой, характерной для этих двух школ, является взгляд на этническую общность как на принадлежность индивидов к одной культуре, которая проявляется в общих («стандартизованных») элементах индивидуального сознания.

Понятие «этническая общность» в его абстрактно-теоретическом смысле в трудах ученых этих школ передается с помощью термина «ethnic identity». Принципиальное значение имеет то, что вопрос о материальной основе культурной однородности как выражения этнической общности этой группой исследователей в отличие от советских ученых⁵ не ставится. Этнические черты они анализируют на уровне личностной характеристики индивида. К культуре они подходят как к совокупности идеальных моделей человеческого действия. Как известно, советские ученые придерживаются иной концепции, понимая под культурой прежде всего то, что «создано людьми в процессе физического и умственного труда для удовлетворения их разнообразных материальных и духовных потребностей»⁶.

В конечном итоге представители названных теоретических течений в буржуазной науке рассматривают этническую общность лишь как одну из форм организации индивидуального и группового поведения, существующую наряду с такими формами, как социальный ранг, пол и возраст и отличающуюся от последних связью с культурными, а не социальными или биологическими характеристиками индивидов⁷. Эти исследователи не раскрывают полностью существенные черты, этнической общности как объективного общественного явления.

Особенно большое внимание разработке методологии выделения основной этнической группы уделяют представители культурно-морфологического направления — Р. Наролл и Ф. Барт. Первый из них рассматривает основную этническую группу как «некую действующую социальную систему», основу которой составляет единый для всех членов группы комплекс идеальных «социально-культурных моделей». Для обозначения этой «системы» Р. Наролл предлагает термин «культурная единица» или «калтыонит» (сокращенный вариант, рассчитанный на использование в научной практике)⁸.

При таком подходе «основная этническая группа» предстает в виде идеалистически интерпретируемой культурной общности индивидов. Историческая универсальность основной этнической группы как «культуронесущей единицы», по мнению Р. Наролла, непосредственно вытекает из того, что единый комплекс идеальных культурных моделей может быть воплощен в реальном бытии различных по своим размерам и социально-историческим характеристикам коллективов, к которым относятся как небольшие группы отсталого населения земного шара, так и крупные современные нации. Тем не менее Р. Наролл говорит о невозможности дать качественно единый критерий выделения основной этнической группы и предлагает в каждом конкретном случае учитывать различные факторы: самоназвание (если оно есть), сознание общности происхождения,

⁴ G. de Rohan Csermak, Указ. раб., стр. 2, 5, 8, 9.

⁵ В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969, стр. 56; В. Ф. Генинг, Этнический процесс в первобытности, Свердловск, 1970, стр. 15; Ю. В. Бромлей, Этнос и этнография, М., 1973, стр. 40.

⁶ Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Народы. Расы. Культуры, М., 1971, стр. 164.

⁷ F. Barth, Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference, Bergen — Oslo, 1970, p. 17.

⁸ R. Naroll, On ethnic unit classification, «Current Anthropology», 1964, vol. 5, № 4, p. 285, 289.

формы брачно-семейных связей, религию, а главным образом — языковую общность и территориально-организационную обособленность. Особенно детально Р. Наролл разрабатывает критерий определения языковой общности. Пытаясь все же определить конституирующие особенности характеризваемой им общественно-исторической формы, Р. Наролл высказывает предположение, что основная этническая группа выделяется как зона наиболее интенсивных индивидуальных коммуникаций⁹. Это предположение носит, однако, слишком общий характер, поскольку не подкрепляется определением объективной общественной основы этих коммуникаций. К сказанному необходимо добавить, что культурное развитие основной этнической группы Р. Наролл рассматривает механистически — как результат произвольных и случайных изменений в традиционных социально-культурных моделях, которые осуществляются «лидерами мнения» соответствующей группы и затем передаются другим ее членам¹⁰.

Ф. Барт вносит коррективы в предложенную Р. Нароллом характеристику основной культурнонесущей единицы. По мнению Ф. Барта, общность объективных («открытых») форм культуры несвойственна этнической группе, поскольку эти формы не обнаруживают преемственности в историческом развитии таких групп и разнообразятся под влиянием меняющихся экологических условий в пределах одной и той же группы. Ф. Барт полагает, что в значительно большей степени этническую группу характеризует единство «ценностных ориентаций, стандартов морали, посредством которых оценивается поведение»¹¹. Эти стандарты представляют собой устойчивые стереотипы, которые специфичны для каждой этнической группы и отличают ее от других подобных групп¹². Таким образом, Ф. Барт разделяет взгляд на этническую общность как на общность индивидов в области культурной жизни, но формулирует этот взгляд более точно, чем Р. Наролл. Более всего, однако, отличает Ф. Барта от Р. Наролла то, что определяющим признаком этнической группы он считает не столько культурную общность составляющих ее индивидов, сколько сознание ими этой общности. Это сознание выражается в специальных «этнических категориях», по которым — в условиях взаимодействия различных этнических групп — осуществляется взаимная «классификация» индивидов. Критериями классификации наряду с «ценностными стандартами» выступают знаковые элементы «открытой» культуры — «одежда, язык, форма жилища или общий стиль жизни»¹³.

По представлению Ф. Барта, этническое сознание выполняет активную организующую роль и направляет деятельность индивидов как внутри этнической группы, так и во взаимоотношениях с представителями других этнических групп. Ф. Барт утверждает, однако, что этническое сознание (в которое этот исследователь по существу включает и ценностные стандарты) представляет собой единственный атрибут этнической группы, который исчерпывающе раскрывает ее социальную природу. С точки зрения Ф. Барта, даже большинство элементов открытой культуры характеризует только внешние экологические условия существования этнической группы¹⁴. Фактически такая гиперболизация в оценке роли этнического сознания означает не что иное, как декларирование тождества форм общественного сознания и бытия, что нельзя не признать ошибочным с позиции марксистской методологии: «Общественное сознание *отражает* общественное бытие — вот в чем состоит учение Маркса. Отражение может быть верной приблизительно копией отражаемого, но о тождестве тут говорить нелепо... Из того, что вы живете и хозяйничаете, рождаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается объективная необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего общественного сознания, не охватываемая им полностью никогда»¹⁵. Следовательно, и вопрос об общественной природе этнической группы также нельзя сводить к наличию этнического сознания.

В отличие от представителей культурно-морфологического направления исследователи, причисляемые Г. Роан-Чермаком к американской бихевиористской и аккульту-

⁹ R. N a r o l l, Указ. раб., стр. 289, 308.

¹⁰ Там же, стр. 289.

¹¹ F. B a r t h, Указ. раб., стр. 14.

¹² Там же, стр. 17, 19.

¹³ Там же, стр. 13—15.

¹⁴ Там же, стр. 13—16.

¹⁵ В. И. Л е н и н, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 343, 345.

рационалистской школе, до последнего времени не стремились к четкому выделению основной этнической группы. Они отмечали только, что «этническая группа является единственным значимым базисом, на основе которого можно сравнивать социальные и культурные особенности»¹⁶. В позднейших работах американских исследователей эта точка зрения получила дальнейшее развитие и конкретизацию: особое внимание при этом было уделено анализу природы этнического единства в рамках этнической группы. Американские авторы Т. Шибутани и К. М. Кван дали следующее определение этнической группы: «Этническая группа состоит из людей, которые мыслят себя подобными вследствие общего происхождения — реального или фиктивного и таким же образом рассматриваются другими»¹⁷. Решающим признаком этнической группы в приведенном определении является осознанное единство индивидов, выраженное в представлении об общности их происхождения. Неизбежно, однако, встает вопрос о том, что лежит в основе этого единства, как оно осознается. Отвечая на первый из этих вопросов, Т. Шибутани и К. М. Кван ссылаются на единство «человеческой природы», напоминая, что люди во всем мире в равной мере обладают мышлением и речью, а также схожей, несмотря на расовые особенности, биологической конституцией и одинаковыми психическими реакциями¹⁸. Всякая этническая общность представляет собой реализацию этого единства человеческой природы, ограниченную рамками той культурной специфики, которая обособляет этническую группу среди других подобных групп. Концентрируя внимание на психобиологическом единстве человечества, американские ученые оценивают отличительные особенности культурного облика этнических групп лишь как нечто условное и случайное по отношению к человеческой природе¹⁹. В результате, однако, обходится вопрос о социальных закономерностях, определяющих само существование различных этнических групп и их внутреннее единство. Материально-общественная основа этнической общности остается в тени, и у американских исследователей появляется возможность утверждать, что «этническая общность держится на ложных убеждениях»²⁰. Игнорирование материально-общественных факторов не случайно, поскольку для американской социологии вплоть до настоящего времени характерен подход к рассмотрению различных этнических групп как неорганизованных совокупностей отдельных индивидов, что неизбежно приводит к сосредоточению научного исследования на изучении личностных, а не институционных отношений²¹. Этим, очевидно, объясняется и односторонняя трактовка этнической группы как категории личностной классификации, наблюдаемая у некоторых американских и канадских социологов, решительно отказывающихся видеть в этой группе социальное объединение²².

Становление этнической общности, выявляющей единство человеческой природы, происходит, по Т. Шибутани и К. М. Квану, в процессе осознания индивидами, образующими формирующуюся этническую группу, общности их эмоционального мира. На этой основе и возникает представление о единстве членов данной группы. В свою очередь такое представление может возникнуть только потому, что человеческие чувства, независимо от разнообразия их культурных атрибутов в различных этнических группах, едины по своей структуре и «конфигурации», отражающим те единые во всех этнических группах «межперсональные» отношения, которые формируют человеческую личность на раннем этапе ее развития. Рассматривая этническую общность как продукт интеграции этнических групп, живущих в пределах одной городской общины, Т. Шибутани и К. М. Кван отмечают, что необходимым условием ее становления являются «эффективные коммуникации», ведущие к сокращению психологической «дистанции» между контактирующими индивидами. При таком взгляде на вещи подчеркивается роль психологического фактора в формировании этнической общности: все принципи-

¹⁶ O. Handlin, *Race and nationality in American life*, Boston — Toronto, 1958, p. 191.

¹⁷ T. Shibutani and K. M. Kwan, *Ethnic stratification. A comparative approach*, N. Y. — London, 1968, p. 572.

¹⁸ T. Shibutani and K. M. Kwan, Указ. раб., стр. 578.

¹⁹ Там же, стр. 578.

²⁰ Там же, стр. 589.

²¹ И. П. Труфанов, О некоторых тенденциях в исследованиях этносоциальных процессов в США, «Сов. этнография», 1972, № 4, стр. 177.

²² М. Я. Берзина, Формирование этнического состава населения Канады, М., 1971, стр. 16, 17.

ально различные по сферам своего приложения и социальной роли виды общественной деятельности, язык и культура в целом попадают в поле зрения исследователей лишь постольку, поскольку содействуют (или, наоборот, препятствуют) сокращению дистанции между взаимодействующими индивидами и осознанию единства их человеческой природы как этнической общности²³. Важнейшим фактором сохранения этой общности признается мораль, нормы которой регулируют отношения внутри этнической группы именно в силу того, что ее члены сознают себя тождественными друг другу²⁴.

Предложенная Т. Шибутани и К. М. Кваном характеристика этнической группы и этнической общности обладает тем очевидным недостатком, что не позволяет достаточно надежно отграничить различные формы собственно этнической общности от других видов социально-культурного единства. В соответствии со взглядами этих авторов, все сколько-нибудь обособленные в социальном или культурном отношении группы населения современного капиталистического города, представители которых «мыслят себя подобными вследствие общего происхождения», могут быть отнесены к категории этнических. По этой причине американские исследователи часто не проводят различий между собственно этническими и расовыми группами²⁵, хотя в литературе есть указания, что попытки провести такое разграничение все-таки предпринимались²⁶. Вариацию такого подхода к этнической группе представляет собой ее оценка как группы пришлого населения, отличающейся по происхождению от основного населения данной страны. Один из авторов, принадлежащих к анализируемому направлению, пишет: «Этническая группа является опознаваемой социально-культурной единицей, основанной на некоторой форме национального или племенного отличия и проживающей в чужой, а не в своей собственной стране»²⁷.

* * *

Будучи одним из закономерных проявлений общественной природы человека²⁸, этнос развивается под влиянием тех процессов, которые совершаются в сфере социально-экономических отношений²⁹. Под влиянием тех же процессов складываются отношения между отдельными этносами, отражающие как некоторые стороны общественной природы этноса, так и специфику противоречий социально-экономической формации, в которой они сложились.

В работах буржуазных авторов, относящихся к рассматриваемым школам, та новизна межэтнических отношений, которая возникает, когда эти отношения складываются в пределах единой государственной системы, рассматривается в качестве специальной проблемы, содержание которой эти авторы определяют с помощью термина «этническая стратификация». Нельзя не заметить, однако, что эти ученые ведут исследование данной проблемы с неверных методологических позиций. Прежде всего следует указать, что они толкуют понятие этническая группа идеалистически, игнорируя сложную общественную природу этого социально-исторического явления и отрывая его от социально-экономических отношений. Следует также отметить ограниченность понимания ими социально-классовой структуры общества, рассматриваемой не как продукт исторически конкретных экономических отношений, с необходимостью порождающих определенные общественные группы, а как результат размежевания индивидов по отдельным «стратам» в зависимости от их личных качеств и случайных обстоятельств, возникающих в ходе извечно идущей в обществе конкурентной борьбы

²³ T. Shibutani and K. M. Kwan, Указ. раб., стр. 579—581.

²⁴ Там же, стр. 581.

²⁵ S. Lieberman, Stratification and ethnic groups, в кн.: A. H. Richmond (ed.), Readings in race and ethnic relations, Oxford, 1972, p. 199; Там же, стр. 2, 3; R. A. Schermerhorn, Указ. раб., стр. 79.

²⁶ R. A. Schermerhorn, Указ. раб., стр. 79.

²⁷ F. S. Hulse, Ethnic, caste and genetic miscegenation, в кн.: «Readings in Race and Ethnic Relations», p. 34.

²⁸ В. Ф. Генинг, Указ. раб., стр. 10—34; Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 11—34.

²⁹ В. Ф. Генинг, Указ. раб., стр. 20, 21; Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 153, 154.

за овладение «редкими ценностями» — ключевыми экономическими ресурсами, знаниями, политической властью и т. д.³⁰.

Выделяемые этими исследователями страты характеризуются не по их отношению к средствам производства, а по ряду «вторичных признаков», общих всем входящим в страту индивидам³¹. Поэтому классовое общество не получает адекватной характеристики как система противоречий способа производства, а изображается в качестве механического сочленения различных страт. Причем сохранение устойчивости этого сочленения, по их мнению, относится к функциям сознания³². Понятно, что при таких исходных методологических посылах невозможно выявить существенные особенности разнообразных человеческих объединений, различающихся либо в зависимости от того, принимает или нет участие в их формировании общественное сознание, либо в зависимости от их места в системе способа производства³³. Равным образом нельзя понять как качественное своеобразие существующих в классовом обществе видов неравенства (с которым связано и явление, именуемое в характеризующихся работах этнической стратификацией), так и единство их материально-общественных истоков.

Вследствие указанных причин исследователи этнической стратификации не вскрывают объективно-общественной основы неравенства этнических групп и не определяют важнейших специфических черт этой разновидности общественного неравенства. Они лишь констатируют наличие этого неравенства, что позволяет им рассматривать этнические группы как расположенные в иерархическом порядке страты, существующие наряду с такими системами иерархической группировки индивидов, как социально-классовая, политическая, расовая, половозрастная и др. Именно такой смысл имеет предложенное рядом американских исследователей, в частности Т. Шибутани и К. М. Кваном, определение понятия этническая стратификация, формулирующее принцип, согласно которому общественное положение индивида в городской общине зависит, помимо прочего, от его этнической принадлежности: «Этническая стратификация является одним из аспектов общинной организации: индивиды располагаются в иерархическом порядке, но в зависимости не от их личных способностей, а от их предполагаемого происхождения»³⁴. Т. Шибутани и К. М. Кван подробно рассматривают процесс становления этнической стратификации, считая этот процесс частным случаем формирования социальной структуры³⁵, но при этом упускают из виду такие факторы, как положение этнических групп в системе способа производства и закономерную обусловленность характера межэтнических отношений противоречиями структуры. Это в сочетании с узким пониманием этнической общности как осознанного тождества индивидов не дает этим ученым возможности показать объективно-общественную основу этнической стратификации и ее существенные особенности в сравнении с другими видами общественного неравенства.

Другой представитель рассматриваемого направления, американский ученый С. Либерсон, также ограничивается попыткой «доказать» наличие в обществе этнической стратификации, ссылаясь на то, что неравное положение этнических групп в отношении «прав и привилегий» не может быть сведено к образовательно-профессиональному неравенству принадлежащих к ним индивидов, поскольку само это неравенство определяется фактором этнической принадлежности. Полагая, что неравенство этнических групп объясняется исключительно сознательной дискриминацией одной или некоторых из них, С. Либерсон предлагает такое толкование этнической стратификации, которое принимает во внимание только один аспект этого сложного общественного явления — идеологический³⁶. Односторонне раскрывает С. Либерсон и существенные особенности этнической стратификации, сводя их к специфике политических форм урегулирования противоречий между этническими группами. Политический сепаратизм служит, по его мнению, наиболее важным показателем этнической стратификации: «Этнические группы являются единственными стратами, которые обладают внутренним потенциалом к отрыву от существующего государства и образованию своего собственного общества без

³⁰ T. Shibutani and K. M. Kwan, Указ. раб., стр. 574.

³¹ И. П. Труфанов, Указ. раб., стр. 178.

³² T. Shibutani and K. M. Kwan, Указ. раб., стр. 572—573.

³³ В. И. Козлов, Указ. раб., стр. 22; Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 10.

³⁴ T. Shibutani and K. M. Kwan, Указ. раб., стр. 572.

³⁵ Там же, стр. 572.

³⁶ S. Lieberman, Указ. раб., стр. 199, 200.

воссоздания заново прежней формы стратификации. Политический сепаратизм приносит освобождение группам, притесняемым в системе этнической стратификации, которое невозможно для групп, дискриминируемых на основе возрастной, половой или экономической стратификации»³⁷.

Ф. Барт, как и американские исследователи рассматриваемого направления, определяет сравнительное положение этнических групп, исходя из их отношения к «общезначимым ценностям»: «В более общих терминах можно сказать, что стратифицированные полиэтнические системы существуют там, где группы характеризуются дифференциальным контролем над предметами, ценными всеми группами в системе»³⁸. Вкладывая крайне широкий смысл в понятие общезначимые ценности, Ф. Барт обеспечивает себе возможность субъективистской трактовки основ этнической стратификации. По его мнению, распределение общезначимых ценностей целиком и полностью обусловлено действием субъективных факторов³⁹.

В отличие от С. Либерсона Ф. Барт сравнивает системы этнической стратификации по двум признакам: характеру культурных различий между стратами и особенностями социальных границ между ними. Его точка зрения заключается в том, что системам этнической стратификации свойственна резкая культурная обособленность отдельных страт, тогда как в системах социальной стратификации ничего подобного нет. Относительно социальных границ между стратами в той и другой системах Ф. Барт замечает, что этническая стратификация, как правило, исключает переход из одной страты в другую, тогда как для различных систем социальной стратификации такой переход чрезвычайно характерен⁴⁰. Однако ни степень резкости культурных различий, ни «жесткость» социальных перегородок между стратами не выражают существенных отличительных черт этнической и социальной стратификаций. Культурные различия между этническими группами, занимающими неравное положение в обществе, не обязательно должны быть резкими, в то же время большая степень замкнутости социальных границ свойственна также некоторым формам общественного строя, например разнообразным кастовым системам, характерные особенности которых не всегда связаны с этническим фактором⁴¹. Поэтому предложенный Ф. Бартом критерий различия этнической и социальной стратификаций нельзя признать удовлетворительным.

Рассматривая отношения в системе этнической стратификации, Т. Шибутани и К. М. Кван указывают, что между этническими группами якобы существует «согласие» по поводу их «иерархической организации в этой системе»⁴². Такой субъективный подход к рассмотрению отношений неравенства помогает затушевать реальные противоречия между этническими группами в системах этнической стратификации. Целостность государств с неоднородным этническим составом, которая при расколе общества на антагонистические классы достигается благодаря экономическому и политическому господству эксплуататорских классов доминирующих этнических групп, в исследованиях по этнической стратификации выступает как продукт «коллективного приспособления к различным жизненным условиям»⁴³. Основным фактором установления согласия в системах этнической стратификации буржуазные ученые считают «эффективные коммуникации», т. е. разнообразные формы общения индивидов, ведущие к выработке «моделей согласованных действий»⁴⁴. Мерой эффективности межэтнических коммуникаций служит объем знаний, получаемых индивидами друг о друге как о личностях и представителях единого человеческого рода⁴⁵. Все те объективные и субъективные социальные факторы, которые лежат в основе выделения различных общественных групп и, следовательно, в той или иной мере ограничивают общение индивидов, в исследованиях по этнической стратификации одинаково рассматриваются в качестве многообразных форм «дистанции», выступающей мерой психологической отчужденности индивидов в

³⁷ S. Lieberson, Указ. раб., стр. 199.

³⁸ F. Barth, Указ. раб., стр. 27.

³⁹ Там же, стр. 28.

⁴⁰ F. Barth, Указ. раб., стр. 27.

⁴¹ F. Hulse, Указ. раб., стр. 37.

⁴² R. Shibutani and K. M. Kwan, Указ. раб., стр. 572, 573.

⁴³ Там же, стр. 575.

⁴⁴ T. Shibutani and K. M. Kwan, Указ. раб., стр. 572—574.

⁴⁵ Там же, стр. 574.

процессе их общения и определяющей в обратно пропорциональном отношении эффективность межличностных коммуникаций. Понятие дистанция чрезвычайно удобно для буржуазных исследователей, поскольку помогает отвлечься от объективной социально-классовой подоплеку этнической стратификации и позволяет избегать строгого дифференцирования ее общественных факторов. Так, П. ван ден Берге, один из представителей анализируемой школы американских социологов, рассматривающий различные системы этнической стратификации, характеризует их не по особенностям социально-классовой основы, а по преобладающей форме дистанции, обращая внимание главным образом на субъективно-личностный момент межэтнических отношений. П. ван ден Берге выделяет две формы дистанции — «социальную» и «пространственную», имея в виду в первом случае систему жестких общественных норм, ставящих этнические группы в положение замкнутых каст, а во втором — сознательное, хотя часто и не закрепленное юридически, территориальное размежевание этих групп, приводящее к их сегрегации⁴⁶. Как в первом, так и во втором случае определение специфических черт типов этнической стратификации дается по субъективным признакам, без анализа их экономической и социальной основы. Примерно так же подходит к выделению различных типов этнической стратификации и С. Либерсон. Он оценивает своеобразие этих типов с точки зрения «структурных методов сохранения этнической стратификации», полагая, что эти методы обусловлены таким фактором, как «уровень экономической мобильности». По его мнению, там, где этот уровень относительно высок, неизбежно применение прямой дискриминации против подчиненных этнических групп. Там же, где уровень низок, складываются отношения, напоминающие кастовый строй, при котором нет нужды в особых дискриминационных мерах для сохранения привилегированного положения господствующей этнической группы⁴⁷. Нельзя не заметить, однако, что, ссылаясь только на экономическую мобильность, этот автор упрощает взаимосвязь тех сложных общественных противоречий, которыми определяется характер социальных границ в различных общественных системах, и искажает тем самым действительную картину межэтнических отношений в классовом обществе.

Столь же упрощенно раскрывает С. Либерсон и взаимодействие этнической и социальной стратификации. Как и другие исследователи этой проблемы, ограничивающиеся указанием на наличие противоречий между этнической и социально-классовой принадлежностью индивида⁴⁸, он отмечает только, что сплочение этнической группы сказывается отрицательно на классовой солидарности, тогда как рост последней влечет за собой ослабление этнического единства. Помимо этого он отмечает, что возникновение систем этнической стратификации приводит к появлению в составе этнических общностей, захватывающих господствующее положение в этих системах, новых социальных групп⁴⁹. Однако соотношение общэтнических и классовых интересов, влияние идеологии господствующих классов на этническое сознание эксплуатируемых, иначе говоря, сложную классовую природу этнического единства и межэтнических отношений С. Либерсон оставляет без внимания. Не раскрыто у него и единство материальных истоков социально-классового и этнического неравенства, а также обусловленность последнего первым. Поэтому взаимодействие этнической и социальной стратификаций рассматривается этим исследователем как взаимовлияние независимых систем иерархической группировки индивидов, а общественное положение отдельного лица характеризуется как результат механического соединения этнического, экономического и половозрастного «статусов», без раскрытия внутренней общественной связи этих индивидуальных характеристик⁵⁰. С тех же методологических позиций отдельные буржуазные авторы освещают взаимодействие этнической и социальной стратификаций в сфере идеологии⁵¹.

В целом можно заключить, что рассмотренным нами исследованиям по этнической стратификации присущ односторонний подход к данной проблеме. Экономический и со-

⁴⁶ P. L. van den Berghe, Distance mechanisms of stratification, в кн.: «Readings in race and ethnic relations», p. 211, 213.

⁴⁷ S. Lieberman, Указ. раб., стр. 204, 205.

⁴⁸ T. Shibutani and K. M. Kwan, Указ. раб., стр. 588.

⁴⁹ S. Lieberman, Указ. раб., стр. 203—205.

⁵⁰ S. Lieberman, Указ. раб., стр. 207.

⁵¹ J. Provinzano, Two views of ethnicity, «IX International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences», Chicago, 1973.

циально-классовый базис этнического неравенства в этих исследованиях остается за пределами научного анализа. Сравнительная характеристика систем этнической стратификации дается по отдельным, весьма общим и второстепенным признакам. И все же сама постановка проблемы неравенства этнических групп в проанализированных в данной статье трудах и разработка некоторых частных ее аспектов имеет определенное научное значение.

* * *

Следует сказать о научном значении попыток зарубежных ученых выявить конкретные показатели этнической общности. Эта проблема поставлена, в частности, в работе двух канадских авторов, посвященной исследованию этнической сегрегации иммигрантов в городе Торонто⁵². Их исследование, выдержанное в духе американской бихевиористской и аккультурационистской школы, ориентировано на обоснование «комплексного» понятия «этничность» посредством анализа эмпирических данных, характеризующих территориальное распределение иммигрантских групп, выделяемых с помощью ряда признаков, каждый из которых рассматривается авторами в качестве одного из существенных параметров «этничности». Эти признаки толкуются в соответствии с общей методологической позицией исследователей как характеристики «этнического статуса» индивида, по которым осуществляется группировка иммигрантов в иноэтнической среде. Однако, поскольку в этих характеристиках отражены определенные общественные связи, участвующие в сохранении этнической обособленности иммигрантов, обработанный авторами исследования фактический материал проливает свет и на проблему соотношения этих связей в поддержании единства этноса. Вместе с тем рассмотрение «этничности» в качестве одной из особо сложных характеристик индивида придает весьма своеобразный характер исследованию канадских авторов.

В установлении основных параметров этничности канадские ученые исходят из выдвинутой американским исследователем М. Гордоном модели, в которой «каждый параметр определяется как аспект самоопределения». Этот исследователь выделяет следующие «центральные элементы этнической принадлежности»: гражданство, расу, религию и «национальное» происхождение (государство, подданным которого были иммигрант или его предки)⁵³. Перечисленные «элементы» представляют собой те факторы, которые играют важную роль в территориальной группировке иммигрантов в условиях индустриального капиталистического центра. Ясно, однако, что круг общественных связей, поддерживающих этническое единство и обособленность иммигрантов, представлен здесь неполно. Так, не учитывается, например, наличие или отсутствие в прошлом территориальных связей индивида с этносом, к которому он себя относит, и отношение к языку этого этноса. Не принимается во внимание и влияние такого фактора, как продолжительность проживания в стране иммиграции на этнический облик и самосознание индивида. Поэтому авторы рассматриваемого исследования расширяют перечень характеристик этнического статуса, вводя в него три дополнительных параметра: продолжительность проживания в стране иммиграции, место рождения и язык⁵⁴.

Исследование канадских ученых основано на материалах, освещающих этническое происхождение, религию, длительность проживания в стране, место рождения и родной язык иммигрантской части населения Торонто. Эти материалы извлечены главным образом из соответствующих разделов канадских переписей, проводимых в стране через каждые 10 лет, использованы также и другие источники⁵⁵. Полученные сведения были подвергнуты специальной обработке: устанавливалось территориальное распределение (по районам Торонто) каждой из групп, выделенных по указанным выше признакам, вычислялись показатели уровня «сегрегации» этих групп, наконец, обработанные таким образом данные были сведены в специальные таблицы. Собранные в этих таблицах показатели и служат основным фактическим материалом для теоретических обобщений авторов.

⁵² A. G. Darroch and W. G. Marston, Ethnic differentiation; ecological aspects of a multidimensional concept, в кн.: «Readings in race and ethnic relations», p. 107—127.

⁵³ Там же, стр. 108.

⁵⁴ Там же, стр. 109.

⁵⁵ Там же, стр. 110.

Очевидно необходимо пояснить, каким образом устанавливались показатели уровня сегрегации иммигрантских групп. Эти показатели, именуемые «индексами отличия», определялись через сопоставление процентного распределения по районам Торонто какой-либо иммигрантской группы и соответствующих данных по «стандартной» группе населения (например, «урожденным канадцам») ⁵⁶.

Из составленных авторами исследования таблиц наибольший интерес представляют те, в которых приведены показатели уровня сегрегации групп, выделенных по признакам этнического происхождения, родного языка и месту рождения. Именно содержание этих таблиц позволяет сделать некоторые заключения относительно роли различного рода общественных связей в сохранении этнической обособленности иммигрантов, а следовательно, до какой-то степени и в поддержании единства этноса. Эти таблицы показывают, что группы иммигрантов, выделенные по признаку этнического происхождения и включающие наряду с индивидами, обладающими всей полнотой соответствующих личностно-этнических свойств, лиц, сохраняющих лишь память об этнической принадлежности своих предков по мужской линии, сегрегированы несколько меньше, чем группы, выделенные по родному языку и, в особенности, по месту рождения. Так, наивысшее значение индекса отличия для группы «немцев по происхождению» равно 17, для группы «немцев по языку» величина этого показателя поднимается до 26 и достигает 42, отмечая уровень сегрегации группы «уроженцев Германии» ⁵⁷. Очевидно, этот факт подтверждает высказанное в советской литературе замечание, что группы, выделяемые в канадских переписях по признаку этнического происхождения, «не совпадают с реальными современными этническими общностями» ⁵⁸. Этот факт, наконец, свидетельствует о том, что обособление иммигрантов в иноэтнической среде обусловлено не столько их субъективной ориентацией на ту или иную этническую общность, сколько фактором реальной культурно-языковой общности, отражающей либо существовавшую в прошлом связь с коренным этническим массивом, либо наличие эквивалента этой связи в виде каких-либо форм социальной сплоченности иммигрантов в условиях этнически чуждого им окружения. Последний случай наглядно иллюстрирует пример проживающих в Канаде украинцев ⁵⁹.

Выводы, к которым приходят авторы рассматриваемой работы, заключаются в том, что положение индивида в иноэтнической среде (его этнический статус) определяется рядом факторов, каждый из которых действует независимо от других и должен учитываться при изучении территориальной обособленности групп городского населения, имеющего сложный этнический состав. Этот вывод, по мнению исследователей, равнозначен заключению о множественности параметров этничности ⁶⁰. Однако ограниченное рассмотрение только внешних проявлений этнической общности в разнообразных характеристиках индивида лишает исследователей возможности сознательно поставить и решить проблему соотношения различных общественных связей в сохранении этнического единства, а тем самым — раскрыть существенные черты этноса как общественного явления. Фиксируя взаимодействие таких факторов территориальной сегрегации иммигрантов, как религия и этническое происхождение, канадские ученые не пытаются вскрыть общественный механизм этого взаимодействия, установив соотношение религиозной и этнической общности ⁶¹. Важный недостаток таблиц, приведенных в работах этих авторов, состоит в том, что внутри групп, выделенных по признакам этнического происхождения, родного языка и места рождения, не определены подгруппы по длительности проживания в стране иммиграции и религиозной принадлежности. В том случае, если бы это дополнительное подразделение было произведено, определяющая роль реальных культурно-языковых и общественных связей в сохранении этнической общности была бы представлена более полно.

⁵⁶ A. G. Darroch and W. C. Marston, Указ. раб., стр. 112.

⁵⁷ Там же, стр. 119.

⁵⁸ М. Я. Берзина, Указ. раб., стр. 89.

⁵⁹ Там же, стр. 157—160.

⁶⁰ A. G. Darroch and W. C. Marston, Указ. раб., стр. 121.

⁶¹ Там же, стр. 122.

Подводя итог приведенному выше краткому обзору некоторых работ буржуазных исследователей по теоретическим проблемам этноса, необходимо прежде всего отметить ряд собственных этим работам методологических слабостей.

В первую очередь бросается в глаза тот факт, что эти исследователи не различают субъективную и объективную стороны природы этноса. Между тем научный подход к изучению этнических, как и всех других общественных явлений, требует обязательного учета того обстоятельства, что в многообразии общественных отношений выделяются материальные, складывающиеся независимо от общественного сознания, и идеологические, в формировании которых общественному сознанию принадлежит важная роль⁶². Для многих из рассмотренных работ характерно игнорирование объективной основы разнообразных этнических явлений.

Другая методологическая слабость рассмотренных исследований заключается в том, что центральное место в них занимает не этническая общность как форма общественного единства, а представляющий ее индивид или «неорганизованная совокупность индивидов». По этой причине этнос как система разнообразных общественных отношений выпадает из поля зрения исследователей.

Наконец, еще одна и весьма важная отрицательная черта рассмотренных работ буржуазных исследователей связана с отсутствием в них конкретно-исторического подхода к поднимаемым вопросам, что особенно сказывается в исследованиях по этнической стратификации. Обобщения, предлагаемые в этих исследованиях, часто формулируются слишком широко и касаются не решающих, а второстепенных сторон природы этноса.

Вместе с тем в этих исследованиях можно найти много интересного фактического материала, относящегося к тем или иным общественно-историческим аспектам этноса. Критический подход к этим исследованиям делает возможным использование их в разработке научной теории этноса.

⁶² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 136, 137; см. также: М. Н. Перфильев, *Общественные отношения*, Л., 1974, стр. 113.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник, вып 5, 1975, 376 стр.

В 1971 г. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР приступил к публикации ежегодника «Расы и народы». Появление такого издания было вызвано исключительной остротой проблем расовой и национальной дискриминации в капиталистическом мире. Сейчас, через пять лет после появления первого выпуска, можно с уверенностью сказать, что задачи, сформулированные редколлегией в первом выпуске¹, не утратили своей актуальности.

Рецензируемый сборник состоит из статей, посвященных актуальным проблемам этнографии и антропологии, которые имеют большое значение для понимания острых и злободневных этнических проблем в различных регионах земного шара и борьбы с любыми проявлениями расизма и национального угнетения.

В соответствии со сложившейся традицией сборник имеет следующие разделы: «Вопросы теории», «Наука о расах», «Против расизма и национального угнетения»; «Этнические процессы в современном мире»; «Документы и материалы», «Обзоры, рецензии, аннотации».

В разделе «Вопросы теории» представлены работы И. В. Дудинского, К. В. Чистова, А. С. Мыльников.

В статье И. В. Дудинского исследуется проблема сочетания национального и интернационального в мировой социалистической системе. Автор на большом фактическом материале убедительно показывает неуклонный рост значения всей системы со-

¹ См. рецензию В. Д. Королюка на первый выпуск ежегодника «Расы и народы...» («Сов. этнография», 1971, № 6).